

Маргарита Дюжева

**ВОТ ТЕПЕРЬ
ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ,
КУЛАКОВА!**

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Д95

Дюжева, М.

Д95 Вот теперь ты пожалеешь, Кулакова! / М. Дюжева. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 292 с.

ISBN 978-5-521-90801-1

В школе я был полнейшим неудачником, а она — моим самым жутким кошмаром. Отличница, зазнайка, презрительно морщившая нос, при взгляде на меня. Но теперь все изменилось. Теперь я — босс, красавчик и просто душа, а она устроилась к нам простым секретарем. Пришло время платить по счетам! Моя месть будет коварной! Бойся, Кулакова, бойся!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
В1С FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90801-1

© Дюжева М., 2022
© Волкова О., оформление, 2022
© RUGRAM, 2022
© Издательские технологии, 2022

Г Л А В А 1

Антон

Я был чмом.

Да, вот так самокритично. Имею право!

Это сейчас я охрененен, а тогда, в школе, я был чмом. Настоящим, матерым чмищем.

Сидел на задней парте, ходил в черных кожаных штанах, в которых невыносимо прели причиндалы, и вечно хотелось их почесать. У меня были длинные немытые патлы на башке. Боже, почему я не мыл волосы? Ах да, ухоженная блестящая шевелюра не сочеталась с образом чма, а я к деталям всегда внимателен.

Я слушал музыку даже на уроках. Жевал жвачку, надувал и громко лопал пузыри, рисовал гадкие картинки, а о том, что такое спорт, даже не знал.

Я был толстым! Не прямо как боров неподъемный, а та-кой, знаете, увесистый баклажан, затянутый в кожаные портки. По жопе хлопнешь — волна до подбородка дойдет. Поэтому я не любил бегать. И прыгать.

Это уже потом, закончив школу и поступив в универ, я начал меняться, а тогда... тогда я считал себя бунтарем

и культивировал свои недостатки, потому что они отражали мою тонкую душевную организацию.

И имя у меня такое как надо. Прямо в тему. Колоритное. Антон Северный. Просто идеальный вариант.

Северный замечательно гармонировало с Оленем — моей вечной кликухой, а к Антону вообще запросто рифму подобрать.

В общем, вы поняли. Я был чмом.

А она принцессой.

Маленькой такой, с голубыми глазками, как у новорожденного котенка, копной каштановых вьющихся волос.

Дина Кулакова.

И она меня ненавидела. Почему? Правильно, потому что я был классным чмом! И «классным» вовсе ее по причине собственного великолепия, а потому что хуже меня в первом «г» никого не было.

Именно там мы и познакомились. Она пришла в наш класс под Новый Год, и я, сраженный неземной красотой, решил поделиться с ней самым ценным. Жвачкой. К сожалению, нежёванной у меня не осталось, а слюнявый катышек должного впечатления не произвел. Поэтому любви между нами не случилось.

Всю начальную школу я тихо млеял в ее присутствии, а она меня попросту не замечала. Потом пути наши разошлись. Она чистой воды гуманитарий — на литературу летела на крыльях любви и трепета, а я был физмат... ладно, вру, я был тупорезом, поэтому мы попали в разные классы.

Но у судьбы хорошее чувство юмора, поэтому она нас свела чуть позже — в восьмом. Как раз в тот самый период, когда я окончательно вжился в образ бунтующего баклажана, а у нее начала расти грудь.

Любви между нами опять не случилось. Может, потому что ей не зашла моя шутка про Дуньку Кулакову, а может,

потому что у нее самой был острый язычок, и она с радостью присоединилась к компании моих «заклятых» врагов. Мы люто друг друга ненавидели и при каждом удобном случае задирались, словно бойцовые петухи.

Классика жанра: самая красивая девочка класса и хронический неудачник в кожаных портках.

Я считал ее зазнайкой и выскочкой, а она называла меня Жирным Тюленем и очень правдоподобно изображала, издавая протяжные звуки и хлопая «ластами» по бокам.

Все ржали, а я бесился и мечтал ее задушить. Шеика-то тоненькая, как у цыпленка! Жамк — и готово.

М-да, мои подростковые мечты были весьма кровавыми.

Сказать по правде, Кулакова была моим самым неприятным воспоминанием о старших классах, и когда прозвенел последний звонок, я вприпляску, подпрыгивая и дергая в воздухе ногами, ускакал в туман, надеясь, что больше в жизни ее не встречу.

Потом был универ, куда я поступил по чистой случайности. И вот там-то все и изменилось.

Внезапно обнаружился талант к математике и программированию. Я, оказывается, был умным! Шокирующее открытие. Удивились все, а я так вообще охренел и с диким азартом принялся грызть гранит науки.

Кстати, баклажаном я оставался недолго.

В общаге было холодно и голодно, но весело. Есть было некогда, да и нечего, поэтому я стремительно начал худеть, и в скором времени мог влезть в одну свою штанину.

А дальше понеслось. Тренажерка, гулянки, девчонки, сессии. Не успел оглянуться, как пролетело несколько лет, и я уже выходил из стен родного ВУЗа специалистом с красным дипломом, фигурой Аполлона, неотразимой улыбкой и головой, полной светлых идей.

К счастью, этими идеями заинтересовалась крупная фирма, выпускающая софт, поэтому, побыв на вольных хлебах ровно пять дней, устроился на работу, от которой ловил кайф. Дальше пяток успешных проектов, продвижение по карьерной лестнице, и спустя несколько лет я уже стоял во главе целого подразделения.

К чему я тут распыляюсь, описывая себя распрекрасного? Вовсе не по причине самолюбования... ну разве что самую малость. Основная причина заключается в том, что в нашей фирме пополнение.

Снова шутка судьбы.

Дорогая Диночка устроилась к нам секретарем. Представляете? Я босс, красавчик и просто душа, а эта зазнайка-отличница всего лишь секретарь, девочка на побегушках!

У нее лицо от ярости треснет, когда увидит меня! Когда поймет, что все изменилось, и что я на коне, а она в самом невыгодном положении. Я ей тюленя этого поганого припомню! Устрою ей не работу, а каторгу. Пусть побегает, помучается!

Или, может, наоборот сделать? Влюбить в себя, а затем посмеяться и бросить? Сказать, что не слишком хороша для меня, и отправить восвояси? Пусть локти кусает! Поревет, в конце концов! А что? Отличная идея! Будет знать, как людей доводить!

Все, решено.

Я буду мстить! И бойся моей мести! Бойся, Кулакова! Час расплаты близок!

* * *

Дина

— Дина! Как ты могла? — отец схватился за голову, а мать театрально прилегла на диван, прижимая руку к сердцу,

и тихим, преисполненным муки голосом просила «воды, дайте мне воды».

— Что не так? — я стояла перед ними, сложив руки на груди и всем своим видом показывая, что отступать не собираюсь, что в этот раз их спектакль пройдет мимо.

Сколько я себя помню, стоило мне в чем-то заупрямиться и проявить свою волю, не совпадающую с родительской, как отец начинал экспрессивно заламывать руки, вызывая к моей совести, а мать включала умирающего лебедя. Все это с одной целью — чтобы я смутилась, отступила, почувствовала себя виноватой и сделала так, как они считают нужным.

Я очень люблю своих родителей, они замечательные. Но для них существует только два мнения — их собственное и неправильное. Причем они всегда были удивительно синхронны и действовали в едином пламенном порыве, особенно когда речь заходила о моем воспитании и перевоспитании. Будь то школа, выбор кружков, выбор ВУЗа. Про личную жизнь вообще молчу. Чтобы они одобрили кандидатуру, надо как минимум привести потенциального бойфренда к нам домой, где его заставят заполнить анкету на ста листах, проверят умение играть на фортепиано и подсунут задания из ЕГЭ.

По этой причине личную жизнь держала в строжайшем секрете, лишь пожимая плечами, когда они об этом спрашивали. Наши представления о том, какой мужчина мне нужен, не совпадали категорически. Как и мнения о том, что такое достойная работа.

Мои родители — педагоги. Матерые, фанатичные, уверенные, что призвание каждого человека — это нести свет знаний в массы. Поскольку себя они считали крайне достойными и не сомневались, что их дочь тоже просто обязана быть достойной, то мой путь был предопределен с самого начала. Я должна была стать учителем! Рассказывать детям

уравнение Менделеева-Клапейрона, ходить с томиком Достоевского под мышкой, объяснять, чем отличается мейоз от митоза, вести внеурочные занятия и падать в обморок от восторга при одной мысли о классном руководстве.

Мой робкий писк о том, что я как бы не горю желанием прыгаться в колесницу педагогики, остался неслышанным.

Я терпела. Стиснув зубы, делала, что они хотят, лишь бы не расстраивать дорогих родителей. Получила высшее педагогическое, даже кандидатскую по этому профилю заимела, но любовью к этой профессии мое сердце так и не наполнилось.

Поэтому, увидев вакансию секретаря в фирме, специализирующейся на информационных технологиях, не раздумывая подала резюме. Не то чтобы я мечтала заниматься бумажками и отвечать на звонки, мне просто хотелось самой выбрать свой путь.

Собеседование прошло удачно, и в понедельник меня ждали на новом рабочем месте. О чем я и сообщила своим дорогим родителям.

Итог: папа вопит «как ты могла»? Мама, слабо всхлипывая, просит воды и тянет ко мне дрожащие руки.

Переигрываете, товарищи манипуляторы! Эх, как переигрываете! Не верю ни на грамм! В этот раз я сделаю по-своему, так как надо мне, ибо не хочу провести всю жизнь за проверкой тетрадок, обсуждением «успехов» тридцати разнокалиберных обалдуев и принимать на ночь двадцать капель эфирной валерьянки.

Не мое это! Не мое!

Я это давно поняла, теперь настала очередь донести эту светлую правду и до родителей.

— Дина! Быть секретарем — это унижительно! — не сдавался отец.

— Почему?

— Потому что это несерьезно! Вот то ли дело учитель — почет, признание...

— Дергающийся глаз, — продолжила шепотом себе под нос, но родители услышали.

Отец в негодовании грозил мне пальцем, а мать выдавила очередное надрывное «воды-ы-ы-ы».

— Мам, ну хватит уже! — в сердцах пошла на кухню, налила стакан воды и принесла ей. — Пей!

Она попыталась отстраниться, но я настойчиво всунула ей стакан в руки.

— Ну уж нет! Пей! До дна!

Пить ей, видать, не хотелось, поэтому она бросила на отца беспомощный взгляд.

— Дина, — рявкнул он, — отстань от матери!

— Я ее спасают от дикой жажды! Она сама просила. Пей-пей, мамулечка. Сейчас еще принесу.

Мать негодуя засопела, батя опять стрельнул в меня профессиональным взглядом грозного учителя.

— В общем, решено! Никаких секретарей!

— Нет, — категорично покачала головой, — я пойду на эту работу, и точка!

— Да что за глупости?! В какую-то шарашкину контору на должность побегушки рвешься, вместо того чтобы идти в государственное учреждение!

— Во-первых, секретарь — это не побегушки. Во-вторых, фирма серьезная, занимается компьютерами, программами...

— Так дело в этом? — просиял папа. — Ты хочешь работать с компьютерами? Что же ты сразу не сказала! В нашу школу как раз требуется учитель информатики! Завтра же переговорю с директором, он с радостью тебя примет!

— Не надо ни с кем говорить, — процедила сквозь зубы, поражаясь непробиваемости родителя, — я уже нашла работу! И выхожу на нее в понедельник. Все. Разговор закрыт!

— Ты нас совсем не любишь, — простила мать. Воды она больше не просила, всерьез опасаясь, что я принесу еще кружку и заставлю выпить до дна.

— Люблю, мамуль. Больше всех на свете. Но работу себе выберу сама, без ваших подсказок. Вернее, уже выбрала.

— Глупости! — строго отчеканил отец. — Ты страдаешь ерундой! Вроде взрослая девица...

— Да, пап, ты правильно все подметил. Взрослая. И я все решила. Смиритесь вы с моим решением или нет — ваше дело.

Родители молчали, недовольно переглядываясь между собой. Впервые в жизни получив от меня такой пламенный отпор, они явно не знали, что делать и как повлиять на непутевую дочь, собиравшуюся своими собственными руками разрушить свое светлое учительское будущее.

— Даю гарантию, что долго ты в этом вертепе не продержишься, — наконец, пренебрежительно выплюнул отец, — и тогда вспомнишь наши с матерью слова.

— Если вдруг такое случится, и я разочаруюсь в своем выборе, обещаю, что вы об этом узнаете. Я приползу к вам на коленях, буду с воем вырывать волосы из головы, и просить прощения... А пока оставьте в покое меня и мою новую работу! — для пущей убедительности гордо кивнула головой и вышла из комнаты.

Правда, к себе не торопилась. Притаившись за дверью, наблюдала за тем, как мать бодро вскочила на ноги, отец недоволен, но без всякой патетики упер руки в боки.

Вот актеры! На что угодно пойдут, лишь бы заставить прогнуться под их желания.

Манипуляторы! В этот раз своей цели они не достигли.